УДК 316.334.3:321

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-4-14-23

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭПОХИ: ПРОГНОЗЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Путило Н. В.*Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
117218, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, д. 34, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить основные тенденции развития социального государства и сформулировать прогноз относительно параметров социального государства и социальных прав граждан в постиндустриальную эпоху.

Процедура и методы. При проведении исследования использованы методы прогнозирования, диалектический, сравнительный и формально-логический.

Результаты. В исследовании выделены общие черты правового статуса граждан, исходя из особенностей социального законодательства, выявлены основные тенденции в развитии социальных отношений, которые являются определяющими для социального государства в ближайшей перспективе: поляризация общества, усиление неравенства; антропоцентризм; снижение институциональной стабильности; «ускорение жизни»; технологизация жизни и отношений; изменение мобильности граждан; постмодернистские тенденции; увеличение роли и значения потребления; изменение роли государства. Сделаны выводы об усилении патерналистской направленности социального государства, расширении системы гарантированных социальных благ, повышении значимости распределительной деятельности государства, результатом которой должно стать смягчение социального неравенства (с учётом появления новых «постиндустриальных» граней), недопущение резкой поляризации общества.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в науку права социального обеспечения, концепции социальных прав и социального государства, формируя новые направления научных исследований.

Ключевые слова: социальное государство, социальные права, тенденции, постиндустриальное общество, социальное обеспечение, социальное страхование, социальная справедливость

POST-INDUSTRIAL SOCIAL STATE: FORECASTS AND TRENDS

N. Putilo*Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
ul. Bolshaya Cheremushkinskaya 34, Moscow 117218, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the main trends in the development of the social state and formulate a forecast regarding the parameters of the social state and the social rights of citizens in the post-industrial era.

Methodology. The research used forecasting methods, as well as dialectical, comparative and formal-logical methods.

Results. The study highlights the general features of the legal status of citizens based on the characteristics of social legislation, identifies the main trends in the development of social relations, which are decisive for the welfare state in the near future: polarization of society, increasing inequality; anthropocentrism; decrease in institutional stability; «acceleration of life»; technologization of life and relationships; change in the mobility of citizens; postmodern tendencies; increasing the role and importance of consumption; changes in the role of the state. Conclusions are made about strengthening the pater-

nalistic orientation of the social state, expanding the system of guaranteed social benefits, increasing the importance of the state's distributive activity, the result of which should be the mitigation of social inequality (taking into account the emergence of new «post-industrial» boundaries), and prevention of a sharp polarization of society.

Research implications. The research results contribute to the science of social security law, the concept of social rights and the social state, forming new directions of scientific research.

Keywords: social state, social rights, trends, post-industrial society, social security, social insurance, social justice

Введение

Для характеристики социального государства важен не только перечень услуг, которые государство может предоставить через систему публичных (государственных) органов и учреждений или организовать их предоставление с использованием рыночных механизмов, но и субъект, их получающий.

В дореволюционное и советское время таковым был трудящийся. Вся история законодательства Российской империи о социальном страховании (от закона 8 марта 1861 г. о горных заводах до июньских законов 1912 г.) – это свидетельство постоянного расширения круга трудящихся, которые подлежали социальному страхованию и могли получать советующие виды социального обеспечения (начиная с рабочих казённых горнозаводских предприятий и заканчивая рабочими системы транспорта). Временное правительство в 1917 г. расширило охват рабочих страхованием, но не сделало его всеобщим. Поэтому не случайно, что в одном из первых документов Советской власти – страховой декларации Советского правительства 30 октября 1917 г. – было обещано распространение страхования на всех без исключения наёмных рабочих, а также на городскую и сельскую бедноту. И лишь в 60-е гг. XX в.¹, когда в систему социального страхования на общих условиях были включены колхозники, это позволило характеризовать СССР в ст. 1 Конституции 1977 г. как «социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, кре-

стьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны».

Социальное государство трудящегося человека в третьей четверти XX в. трансформировалось в социальное государство либерального типа, где субъектом, которому была адресована социальная забота со стороны государства, стал «рыбак с удочкой». Основная функция такого государства состояла не в предоставлении максимального объёма социальных благ и услуг, а в создании условий, при которых каждый самостоятельно мог себе обеспечить эти блага и услуги.

Каким будет социальное государство в постиндустриальном обществе? Наиболее вероятной представляется модель социального государства «сверхобеспечительного», патерналистского типа, свидетельством чему являются отдельные шаги, которые уже сегодня предпринимают ряд стран, а именно: 1) использование механизма безусловного базового дохода; 2) сокращение рабочего времени (4-х дневная рабочая неделя). Введение безусловного базового дохода, сокращение количества времени (рабочий день и рабочая неделя), которое связано с трудовой деятельностью, вполне могут привести к появлению как категории граждан, довольствующихся социальным минимумом и наслаждающихся тем немногим, что не требует использования своего трудового потенциала, так и творческой, саморазвивающейся личности, свободной от заботы об удовлетворении базовых потребностей. Не случайно потребность в самоактуализации – это уникальная, по словам А. Маслоу, высшая потребность, которая может быть реализована при наличии не просто бла-

¹ Закон СССР от 15.07.1964 № 2688-VI «О пенсиях и пособиях членам колхозов» // СПС Консультант Плюс.

гоприятных внешних условий, а «весьма благоприятных»¹.

Благоприятные внешние условия – это зона ответственности социального государства. Этот факт наиболее наглядно был выражен в Конституции СССР 1977 г., где ст. 15 провозглашалось: «Высшая цель общественного производства при социализме – наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей». Во многом особенности социального государства будут обусловлены тем, насколько масштабными и реализованными станут следующие, уже выявленные современными исследователями, тенденции:

- 1) поляризация общества, усиление неравенства;
- 2) антропоцентризм;
- 3) снижение институциональной стабильности;
- 4) «ускорение жизни»;
- 5) технологизация жизни и отношений;
- 6) изменение мобильности граждан;
- 7) постмодернистские тенденции;
- 8) увеличение роли и значения потребления как социальной деятельности;
- 9) изменение роли государства.

Основные тенденции перехода к постиндустриальной эпохе

Одна из наиболее значимых тенденций, которая носит общий характер и практически не вызывает критики как малозначительная или несуществующая, – это *поляризация общества, усиление неравенства*.

В настоящее время неравенство особое, поскольку оно происходит из-за сверхбогатства [17]. Некоторые авторы подчёркивают [18], что экономические выгоды, которые дают наука и производство, становятся всё менее доступными, растёт неравенство и неприязнь между самой обеспеченной частью населения и всеми остальными, социальное единство в лучшем случае ослаблено, а в худшем – находится на грани распада, возрастает веро-

ятность того, что сегодняшние проблемы продолжат усугубляться, а права человека во всех странах ущемляться.

О неравенстве как последствии Четвёртой технической революции пишет Ю. Харари, утверждая, что её последствия будут наиболее болезненными и ужасающими именно для бедных стран и наиболее социально незащищённых слоёв населения стран развитых, включая экологический апокалипсис, который «будет иметь разные последствия для разных социальных групп» [15, с. 253].

Д. Белл сделал весьма значимое для его времени заявление о том, что на повестке дня стоит пересмотр понятия равенства: в постиндустриальном обществе, где человек – единственная ячейка общества, и цель социального устройства состоит в том, чтобы обеспечить человеку свободу реализации его собственных целей, главное – преодоление всех видов неравенства или создание равенства результатов (в доходе, статусе и власти) для всех членов общества [2, с. 571]. Трансформация социальных связей приведёт к разрушению социальных перегородок и позволит смягчить социальное неравенство только в том случае, если средний слой (класс) станет самой массовой стратой общества.

Однако в отношении среднего класса у последователей Д. Белла появилось немало сомнений: в развитых информационных обществах процесс поляризации социальной структуры может происходить в результате того, что «верх и низ увеличивают свою долю за счёт середины» [6, с. 203].

Возрастание социального неравенства, серьёзный разрыв между богатыми и бедными – одна из первых причин социальных конфликтов. Российские факты и тенденции также свидетельствуют о том, что проблемы социального расслоения и социального неравенства не снижаются. Наоборот, как отмечает Ю. В. Воронин, расслоение населения по уровню доходов сохраняется и даже возрастает, а новые нормы в области социального обеспечения не устанавливают новые права, а ограничивают ранее предоставленные [13, с. 18].

¹ Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. СПб.: Питер, 2019. 400 с.

Неравенство – неизменный атрибут любого государственно-организованного общества (если придерживаться устоявшихся представлений о том, что в первобытную эпоху неравенства ещё не было, а в коммунизме уже не будет). Задача социальных прав и социального законодательства всегда состояла в том, чтобы смягчить социальное неравенство, сгладить социальное расслоение и не допустить их последствий в виде социальной революции.

В отечественных исследованиях неоднократно отмечалось, что одно из основных назначений социальных прав состоит в том, чтобы в результате их использования происходило выравнивание социального неравенства, преодолевалась социальная дискриминация [10, с. 153]. Не случайно, что, провозглашая заботу о самом человеке и его судьбе, А. Эйнштейн призывал: «Чтобы творения нашего разума были благословением, а не бичом для человечества, мы не должны упускать из виду великие нерешённые проблемы организации труда и распределения благ»¹.

Прогнозы относительно социального неравенства, звучащие в зарубежных исследованиях, крайне неутешительны: «через 20–30 лет будет бедлам историко-мирового масштаба, при котором все богатства будут сосредоточены в руках верхушки пирамиды, представляющей 1% населения, а мы, все остальные ... окажемся в весьма печальном положении» [1, с. 48].

Неравенство эпохи постиндустриализма многолико: это не только неравенство в плане доходов и возможностей, но и неравенство в продолжительности рабочего времени, неравность распределения свободного времени, неравные возможности доступа к видам досуга [3, с. 19]. Темпоральный суверенитет и достаточное количество свободного времени – важные показатели благосостояния: количество того свободного от работы времени, которым располагает индивид, будет служить и ключевым аспектом свободы, и личной независимости, и критерием равенства [3, с. 27].

¹ Эйнштейн А. Бог не играет в кости. Моя теория относительности. М., 2017. С. 49.

Следующая тенденция – *антропоцентризм*, который проявляется как в развитии права постиндустриального общества в целом, так и в ориентации права социального обеспечения на индивидуальные потребности личности на разных этапах её жизни. Речь идёт не только об адресности как принципе социального обеспечения, но и о появлении новых видов социальных выплат, обусловленных сложившейся глобальной ситуацией (выплаты в связи с пандемией коронавируса) или наличием специфических жизненных обстоятельств (Указ Президента Российской Федерации № 396 «О единовременной выплате семьям, имеющим детей»²).

Исследователи с начала 2000-х гг. указывают на тенденцию резкого *ослабления и уменьшения легитимности авторитетных норм и институтов*, возрастающую неопределённость всех форм социального устройства и организации [12], ослабление традиционных социальных связей [9, с. 16], всё более широкое распространение процессов деструктурирования организаций, делегитимизации институтов, угасания крупных общественных движений и эфемерности культурных проявлений, роста социальной фрагментации [6, с. 27].

Однако пока учреждения остаются главным элементом механизма социальной защиты граждан, несмотря на прогнозы относительно уменьшения их значения в жизни общества. Так, например, некоторые американские социологи ещё в 1980-х гг. писали о появившейся тенденции: вместо того, чтобы воспользоваться услугами имеющихся учреждений, люди (прежде всего по причине низкого качества услуг) прибегают к самопомощи [8, с. 190–193]. Под последней понимаются системы взаимодействия граждан, организующих оказание услуг либо самостоятельно, либо с помощью органов местного самоуправления и иных объединений граждан (напри-

² Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 396 «О единовременной выплате семьям, имеющим детей» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47024> (дата обращения: 06.12.2021).

мер, здоровый образ жизни и традиционная медицина вместо медицинских услуг в учреждениях, самообразование и домашнее обучение, предпочтение частных школ перед государственными). Однако практически нет возражений относительно того, что тренд, связанный с появлением новых форм самоорганизации граждан, расширением сфер использования ранее известных форм (волонтеры, добровольцы, благотворительные организации), более глубокой вовлечённостью форм самодетельности граждан в процесс функционирования государственных органов и учреждений, становится всё более и более значимым.

Ускорение – одна из определяющих черт нашей цифровой вселенной, в которой присутствуют несколько видов этого ускорения:

- техническое ускорение;
- ускорение социальных изменений, темпа самих изменений, происходящих в обществе;
- ускорение темпа социальной жизни.

Одним из первых, кто не только обратил внимание на проблему (противоречие между потребностью в самосовершенствовании и нехваткой времени), но и выделил тенденции в сфере труда и занятости (индивидуализацию труда и фрагментацию обществ следует рассматривать как фундаментальные трансформации общества), был М. Кастельс [6, с. 199–200].

Дж. Вайсман, определяя свободное время как время, остающееся после выполнения оплачиваемой или неоплачиваемой работы и удовлетворения физиологических потребностей (сон, приём пищи, гигиенические процедуры, уход за внешностью), которое потенциально можно потратить на досуг и развлечения, приходит к выводу, что, несмотря на долгосрочный рост количества свободного времени у трудоспособного населения (наблюдается почти во всех странах), общей тенденцией является также всё большая поляризация продолжительности рабочего времени – одни люди работают всё больше и больше, а другие – всё меньше или вообще не работают [3, с. 102]. При этом количество

лиц со значительно возросшей трудовой нагрузкой увеличивается со всё более высокими темпами.

Нехватка контроля над своим временем и неравный доступ к досугу выделяются исследователями в качестве важнейших аспектов социальной справедливости: вместо освобождения людей от забот о повседневном выживании и появления множества свободных часов в постиндустриальном обществе «широчайшее распространение получил символический образ истощённого человека, пленённого новейшими технологиями и целиком зависимого от смартфонов и планшетов» [3, с. 14].

Время, отведённое на досуг, несмотря на то, что как будто бы используется всё более интенсивно, одновременно становится всё более дефицитным «товаром». Парадокс нехватки времени состоит в наличии противоречия между увеличением количества свободного времени, которым мы можем распоряжаться по своему усмотрению, и всё чаще появляющимся чувством «измотанности». Эта проблема была отмечена ещё для индустриальной экономики и была предложена «теория дефицита времени»: в экономике, которая характеризуется ростом изобилия, время парадоксальным образом становится дефицитнейшим из всех ресурсов, который, в отличие от остальных экономических ресурсов, не может накапливаться [2, с. 640]. Поэтому в постиндустриальном обществе свободное время (для игр, досуга, отдыха) подлежит не только измерению, но и распределению. Не случайно, что в качестве одного из способов стимулирования работников к вакцинации от коронавирусной инфекции, а также способа поощрения вакцинировавшийся регулятор¹ называет предоставление дополнительного времени отдыха.

¹ Письмо Минтруда России от 07.06.2021 № 14-4/10/П-4243 «О вакцинации работников от новой коронавирусной инфекции» // Кодификация.рф : [сайт]. URL: https://rulaws.ru/acts/Pismo-Mintruda-Rossii-ot-07.06.2021-N-14-4_10_P-4243/ (дата обращения: 06.12.2021).

Весьма интересным представляется прогноз П. Ф. Друкера, основанный на корреляции между родом трудовой деятельности (характером труда) и наличием свободного времени. По мнению известного экономиста, информационный работник в развитых странах работает всё больше, спрос на его услуги растёт, рабочий день становится ненормируемым, в то время как работник физического труда имеет чётко ограниченный и регламентированный рабочий день и режим труда, он может больше времени посвятить досугу [4, с. 230]. Колоссальное ускорение повсеместно приводит к сокращению сроков и времени для размышлений и, следовательно, к пагубным последствиям и для индивидуумов, и для общества: реальное пространство заменяется деконтекстуализованными процессами, а на смену экстенсивности идёт интенсивность.

Тенденция, состоящая в *технологизации* (изменения работы, досуга, образования, семейных взаимоотношений ввиду необходимости использования гаджетов и прочих технических устройств) образа жизни и отношений, основывается на том, что технические инновации – важнейшая причина изменений в обществе: техника воздействует на общество извне, технические изменения независимы и сами вызывают социальные изменения [16, с. 53]. Интернет перестаёт быть просто техническим устройством: контроль над ним и смежными технологиями связан с более общими вопросами о том, у кого имеется доступ к навыкам, оборудованию и знаниям, необходимым для создания соответствующих технологий, их использования, потребления и контроля над ними. Интернет способен перераспределять возможности отдельных личностей, коллективов и общества в целом, изменяя условия доступа не только к информации, но и к людям, услугам и технологиям.

Одними из элементов технологизации жизни можно считать тенденции, связанные со стандартизацией и рационализацией. Суть тенденции стандартизации отношений, включая межличностные,

А. А. Зиновьев описал как возрастание в будущем зависимости, связанности человека техническими нормативами и технико-юридическими нормами («правила оперирования всякого рода знаниями и вещами, содержащими знаки» и «правила, регламентирующие расположение и эксплуатацию вещей») [5, с. 540].

Стандартизация в социальной сфере позволяет государству минимизировать риск причинения ущерба гражданам (обучающиеся, пациенты, клиенты социальных служб), т. к. устанавливает более конкретные требования и к самим получаемым социальным благам, и к процессу их предоставления. В то же время отмечалось [11, с. 23], что увеличение количества требований и функций у «поставщиков услуг» влечёт за собой разрастание «аппарата» организаций и сосредоточение на выполнении несвойственных им задач по администрированию процесса. На наш взгляд, также всё более усугубляется разрыв между имеющимися возможностями реально существующих организаций и теми требованиями, которые устанавливает государство к их деятельности с учётом новых «идеализированных» стандартов.

Несомненно, стандартизация – необходимый для рациональной цивилизации процесс, но ориентация исключительно на соблюдение нормативов, приоритет технических стандартов и логических операций по отношению к здравому смыслу и интересам личности уже сегодня приводят к нарушениям прав граждан, к созданию такого механизма их реализации, при котором граждане не могут воспользоваться своими правами. Очень часто тот или иной элемент механизма их реализации, некая индивидуальная особенность данного процесса не учтены в созданном для машин алгоритме, и весьма печально, что часто исключена сама возможность вмешаться в этот алгоритм извне (человеческому оператору) с целью исправления ситуации. В итоге, вместо усмотрения правоприменителя (с которым так долго боролись многочисленные административные реформы) мы сталкиваемся с ошибкой программы,

со сбоями в работе системы, с отсутствием доступа к сети или невозможностью обратной связи с тем обезличенным виртуальным субъектом, от которого зависит наша реальная жизнь.

Скорость стала символом социального прогресса. Пребывание в ускоряющемся обществе, в котором технический прогресс приводит не к увеличению количества времени на досуг и безделье, а к непрерывному ускорению темпа жизни, привёл к появлению манифеста за «Медленную науку», призывающий учёных не торопиться и находить время на то, чтобы думать, читать и делать ошибки [3, с. 282].

Постмодернистские тенденции связаны с особенностями идеологии постмодерна, которая допускает либо отдаление человека от влияния политических и экономических структур, либо «полную индивидуализацию поведения» [6, с. 30], а значит, ставит под сомнение важность и значимость права как общего универсального регулятора. Эпоха постмодерна чаще всего рассматривается учёными как эпоха, признаками которой являются отказ от классической логики и рационализма во всех его проявлениях, «отмена» истины и её замена индивидуальными мнениями. Ж.-Ф. Лиотар¹, вводя в начале 1980-х гг. термин «постмодернизм», понимал под ним скептическое отношение к любым концепциям в духе рационалистических традиций Просвещения (экономические, исторические, социологические и пр.), которые претендуют на объяснительную силу и истинность, т. е. соответствие изучаемой реальности [7].

Философия метамодернизма (начало которому, по мнению Робина ван ден Аккера, положено в 2010 г. в эссе «Заметки о метамодернизме») как социальная философия обращена к эпохе четвёртого «прыжка капитализма, начавшегося в конце 1990-х годов и продолжающегося по сей день» [1, с. 18], и прогнозирует, что благодаря повсеместному использованию цифровых навыков и инструментов сформировались

условия для 2-х глобальных перемен [1, с. 71–73]:

1) качественные перемены на культурном уровне, структурированные вокруг публичной доступности сетевых компьютеров (вместо телевидения – интернет и социальные сети);

2) новые формы регулирования основаны на отстаивании и продвижении интересов «самых богатых слоёв общества, капиталистических собственников и верхушки управленческого аппарата, они сопровождаются приватизацией общественных активов и снижением благосостояния», приводят к стагнации прожиточного минимума у населения (за исключением бизнес-элиты с поразительно высокими доходами) и финансовому неравенству.

Одна из проблем, которая поднимается в рамках концепций постмодерна и метамодерна, – это проблема идентичности. Об изменении самой природы идентичности в ходе Третьей волны говорил О. Тоффлер и связывал это обстоятельство с 2-мя ключевыми моментами (способами):

1) в ходе перехода к постиндустриализму различия, которые раньше считались незначительными, приобретают культурное и политическое значение, поэтому общество становится гетерогенным, более дифференцированным, с разнообразными группировками;

2) индивид всё менее и менее связан контекстом своего рождения и обладает большим выбором в самоопределении; идентификации, которые выбираются, становятся более кратковременными, а люди принимают или отказываются от каких-либо компонентов своих идентичностей быстрее, чем когда-либо [14, с. 282–283].

Д. Белл считал *тенденцию потребления* влиянием проблемы времени:

– потребитель обнаруживает, что нуждается в больших доходах для покупки времени, необходимого ему для содержания и обслуживания ранее приобретённых благ;

– удовольствие от потребления требует затрат времени (большим объёмом сво-

¹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: СПб., 1998. 159 с.

бодного времени обладают либо исключительно состоятельные люди, либо пенсионеры);

– потребитель стремится приобретать те виды продукции, которые требуют сравнительно немного его свободного времени, пусть это даже связано и с большими расходами.

Поэтому потребитель постиндустриального мира будет покупать товары, которые можно использовать, а потом выбросить, будет покупать услуги бытового и иного сервиса, но такие услуги дороги и требуют работать всё больше и больше [2, с. 642–643].

Изменение роли государства. Уже в 1990 г. Д. Белл отмечал, что национальное государство слишком мало для решения крупных проблем и слишком велико для решения мелких [2, с. 171]. При этом неверно считать, что Д. Белл предполагал отмирание государства в постиндустриальную эпоху. В грядущем постиндустриальном обществе он видел нечто совсем иное: потребность в дополнительных услугах (нормальная окружающая среда, образование, здравоохранение) и недостаточность возможностей рынка для их предоставления ведут к развитию тех функций органов публичной власти (преимущественно местного и регионального уровней), которые связаны с удовлетворением подобных нужд.

Д. Белл указывал на возрастающую потребность населения в государственных услугах и государственных пособиях, на новые аспекты для деятельности государства в сфере труда [2, с. 211–212]. Отмечая тенденцию усиления роли государства и

его значения для нормального функционирования общества, П. Ф. Друкер утверждает, что в 1900 г. «даже самое деспотичное правительство не посмело бы вмешиваться в личные дела своих граждан, как это регулярно делают власти самого свободного современного общества» [4, с. 185].

Усиление роли государства также связывается с его социальными функциями в сфере здравоохранения и тем, что медицина и лекарственное обеспечение как товары, обладающие универсальным спросом, выгодны государству, и поэтому «медицинские услуги и их финансирование повсеместно переходят под юрисдикцию государства, как это было со школьным образованием 150 лет назад, когда обучение чтению и письму впервые стало выгодным вложением для отдельно взятого человека» [4, с. 18].

Заключение

Уникальность современного исторического момента в том, что в тот период, когда казавшиеся совсем недавно невозможными технологии дают беспрецедентную возможность для формирования более гуманного и справедливого общества, задача общественных наук состоит в генерировании идей и предложений, позволяющих этой возможности стать реальностью. Решаться эта задача должна совместными усилиями многих наук на основе научного прогноза относительно социальных, экономических и правовых последствий предлагаемых решений.

Статья поступила в редакцию 11.08.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аккер ван ден Р. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / пер. с англ. В. М. Липки. М.: Рипол-Классик, 2021. 444 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004. 783 с.
3. Вайсман Дж. Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Дело, 2019. 304 с.
4. Друкер П. Ф. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества / пер. с англ. Б. Л. Глушака. М.: Вильямс, 2007. 336 с.
5. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. М.: Цетрполиграф, 2000. 637 с.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
8. Нейсбит Д. Мегатренды / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2003. 380 с.
9. Петленд А. Социальная физика. Как распространяются хорошие идеи: уроки новой науки / пер. с англ. Е. Ботневой. М.: АСТ, 2018. 351 с.
10. Права человека и социальное правовое государство в России : учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: Норма, ИНФРА-М, 2014. 399 с.
11. Правовое регулирование деятельности организаций, оказывающих услуги в сфере здравоохранения, образования и культуры: научно-практическое пособие / отв. ред. Н. В. Путило. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения, 2012. 334 с.
12. Сеннет Р. Коррозия характера / пер. с англ. В. И. Супруна. Новосибирск; М.: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2004. 269 с.
13. Социальное обеспечение: настоящее и будущее / Е. Г. Азарова, Н. В. Антонова, А. Л. Благодир. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2017. 282 с.
14. Тоффлер О. Раса, власть, культура / пер. Н. Л. Поляковой // Новая технократическая волна на Западе / под ред. П. С. Гурвича. М.: Прогресс, 1986. С. 282–283.
15. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2018. 456 с.
16. Харауэй Д. Манифест киборгов : наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 128 с.
17. Хомский Н. Культ государства / пер. с англ. Д. Дамте. М.: Рипол-Классик, 2020. 288 с.
18. Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвёртой промышленной революции / пер. с англ. К. Ахметова и др. М.: Бомбора, 2019. 320 с.

REFERENCES

1. Acker van Den R. Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after postmodernism (Rus. ed.: Lipka V. M., transl. *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma*. Moscow, Ripol-Klassik Publ., 2021. 444 p.).
2. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting (Rus. ed.: Inozemtsev V. L., transl. *Gryadushcheye postindustrialnoye obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*. Moscow, Academia Publ., 2004. 783 p.).
3. Weissman J. Time is short: accelerating life under digital capitalism (Rus. ed.: Edelman N., transl. *Vremeni v obrez: uskoreniye zhizni pri tsifrovom kapitalizme*. Moscow, Delo Publ., 2019. 304 p.).
4. Drucker P. F. The era of the gap: guidelines for our changing society. (Rus. ed.: Glushak B. L., transl. *Epokha razryva: oriyeintiry dlya nashego menyayushchegosya obshchestva*. Moscow, Williams Publ., 2007. 336 p.).
5. Zinoviev A. A. Na puti k sverkhobshchestvu [On the way to a super-society]. Moscow, Tsetrpoligraf Publ., 2000. 637 p.
6. Castels M. The information age: economy, society and culture (Rus. ed.: Shkaratan O. I., transl. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura*. Moscow, GU HSE Publ., 2000. 608 p.).
7. Lyotard J. F. État postmoderne (Rus. ed.: Shmatko N. A., transl. *Sostoyaniye postmoderna*. Moscow, Institute of Experimental Sociology Publ., St. Petersburg, Aleteia Publ., 1998. 160 p.).
8. Naisbit D. Megatrends (Rus. ed.: Levin M. B., transl. *Megatrendy*. Moscow, AST Publ., 2003. 380 p.).
9. Petland A. Social Physics. How good ideas spread: lessons of a new science (Rus. ed.: Botneva E., transl. *Sotsialnaya fizika. Kak rasprostranyayutsya khoroshiye idei: uroki novoy nauki*. Moscow, AST Publ., 2018. 351 p.).
10. Lukashova E. A., ed. *Prava cheloveka i sotsialnoye pravovoye gosudarstvo v Rossii* [Human rights and the social legal state in Russia]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2014. 399 p.
11. Putilo N. V., ed. *Pravovoye regulirovaniye deyatel'nosti organizatsiy, okazyvayushchikh uslugi v sfere zdравookhraneniya, obrazovaniya i kultury* [Legal regulation of the activities of organizations providing services in the field of healthcare, education and culture]. Moscow, Law and Comparative Law Institute Publ., 2012. 316 p.
12. Sennett R. Corrosion of Character (Rus. ed.: Suprun V. I., transl. *Korroziya kharaktera*. Novosibirsk, Foundation for Socio-Prognostic Research «Trends» Publ., 2004. 269 p.).
13. Azarova Y. G., Antonova N. V., Blagodir A. L. at all. *Sotsialnoye obespecheniye: nastoyashcheye i budushcheye* [Social security: present and future]. Moscow, Yuridicheskaya firma «Kontrakt» Publ., 2017. 284 p.

14. Toffler O. [Race, power, culture]. In: Gurvich P. S., ed. *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [The New technocratic wave in the West]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 282–283.
15. Harari Yu. N. *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow* (Rus. ed.: Andreyev A., transl. *Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego*). Moscow, Sindbad Publ., 2018. 456 p.).
16. Haraway D. *A Cyborg manifesto : science, technology, and socialist-feminism in the late twentieth century* (Rus. ed.: *Manifest kiborgov : nauka, tekhnologiya i sotsialisticheskiy feminizm 1980-kh*). Moscow, Ad Marginem Press, 2017. 128 p.).
17. Chomsky N. *The cult of the state* (Rus. ed.: Damte D., transl. *Kult gosudarstva*). Moscow, Ripol-Klassik Publ., 2020. 288 p.).
18. Shvab K., Davis N. *Shaping the Fourth Industrial Revolution* (Rus. ed.: Akhmetov K., transl. *Tekhnologii Chetvertoy promyshlennoy revolyutsii*). Moscow, Bombora Publ., 2019. 320 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Путило Наталья Васильевна – кандидат юридических наук, заведующий отделом социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: social2@izak.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Putilo – Cand. Sci. (Law), Departmentally Head, Department of Social Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation;
e-mail: social2@izak.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Путило Н. В. Социальное государство постиндустриальной эпохи: прогнозы и тенденции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 4. С. 14–23.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-4-14-23

FOR CITATION

Putilo N. V. Post-industrial Social State: Forecasts and Trends. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 4, pp. 14–23.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-4-14-23